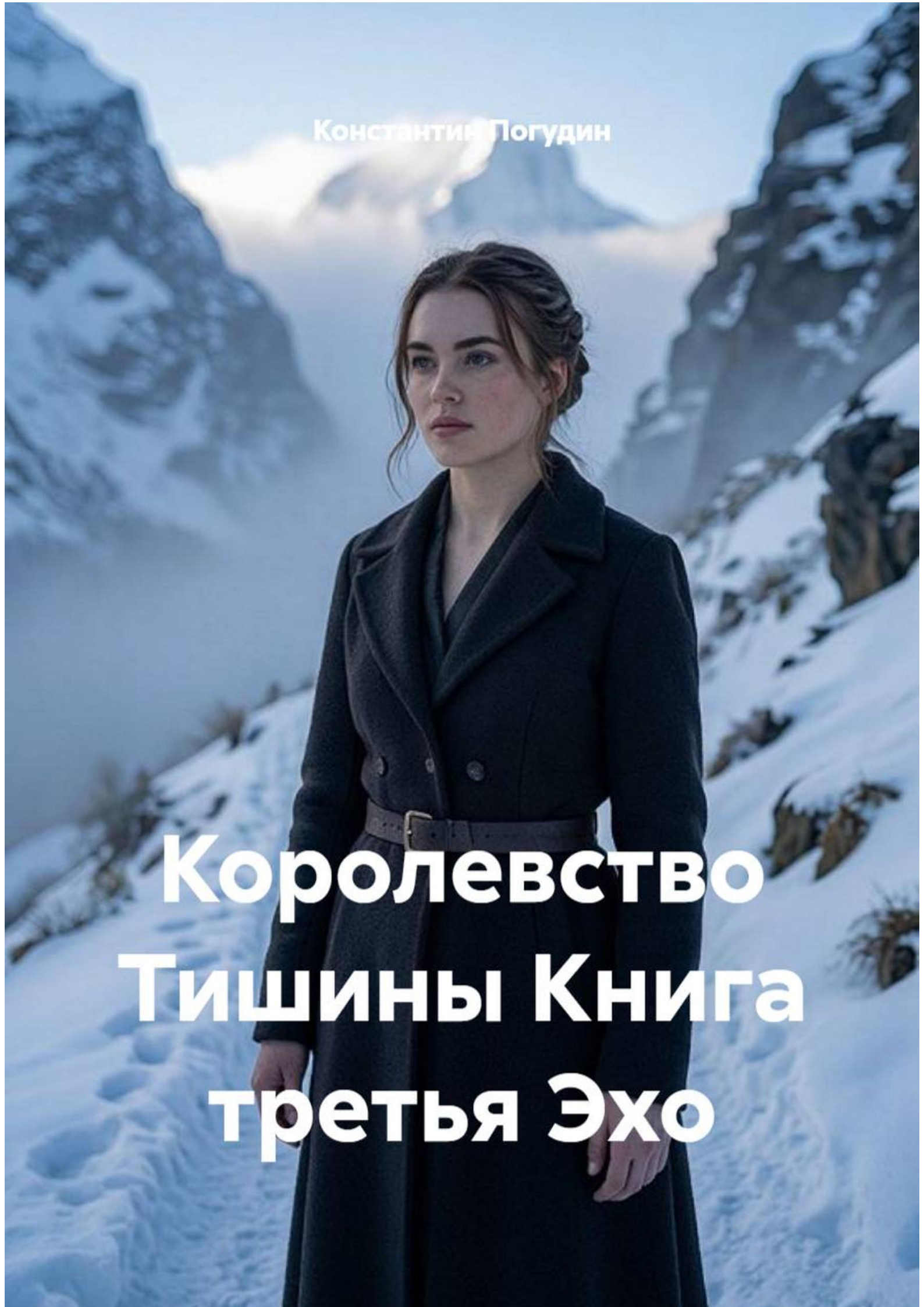

A woman with dark hair, wearing a dark, double-breasted coat with a wide belt, stands in a snowy mountain landscape. The background features steep, snow-covered mountains under a pale sky. The text is overlaid on the image.

Константин Погудин

**Королевство
Тишины Книга
третья Эхо**

Константин Погудин

Королевство Тишины

Книга третья Эхо

«Автор»

2026

Погудин К.

Королевство Тишины Книга третья Эхо / К. Погудин — «Автор»,
2026

Прошла зима с тех пор, как Лиорен спел Первую Песню. За перевалами ответили птицы, а потом и нечто большее. Безмолвие, которое двести лет считали врагом, заговорило, и первым словом было имя Кайрена. Ниара Вэйс готова идти за ним хоть на край света, и край света находится в трёх неделях пути к северу. Но у двери, которую они открыли, есть Хранитель: Орвен, один из девяти первых певцов, прожил за перевалами тысячу лет и твёрдо знает, что случится, если Безмолвие услышит слишком много. Тарен хочет защитить тех, кого любит. Мирин учится слушать корни мира. Лис впервые не знает, чьим голосом ей говорить. А Ниаре предстоит понять, что самая трудная песня та, которую поют вдвоём и до конца.

© Погудин К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Письмо без подписи	5
Глава вторая. Дорога, которой нет на карте	7
Глава третья. Те, кто ждал	9
Глава четвёртая. Полог	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Константин Погудин

Королевство Тишины Книга третья Эхо

Глава первая. Письмо без подписи

Зима в Доме Голоса началась с драки за последнюю булку.

Дрались, к счастью, не кулаками. Двое учеников, Бранн и Ожена, одновременно потянулись к блюду, и от их спора над столом закружилась метель: у Ожены Отзвук был ледяной, у Бранна огненный, и до пола долетала уже тёплая слякоть. Я подошла, молча забрала булку и разломилась пополам. Обоим стало неловко, и на этом всё кончилось.

— Вот это и называется педагогикой, — сказал Тарен, сидевший в углу с кружкой. — Разломить булку и сделать лицо мудрой женщины.

— Это называется «я не завтракала».

— Тем более.

Я села рядом. За окном лежал синий снег, а на склоне, вопреки всем законам природы, ещё держались голубые цветы Мирин. Они пережили три метели. Мирин сказала, что цветы просто упрямые, как мы.

Кайрен вошёл без стука. Я узнала его раньше, чем увидела: наша связь за зиму стала такой тонкой, что я чувствовала его настроение, как погоду за стеклом. Сегодня это был не дождь и не солнце. Это был туман.

— Ты плохо спал, — сказала я.

— Я совсем не спал.

— Опять шёпот?

Он не ответил, только положил на стол сложенный лист. Бумага была простая, серая, без печатей. Одной строкой, неровными буквами, словно писала рука, которая учится держать перо, там стояло:

Кайрен. Приди. Дверь открыта, но ей одиноко.

Подписи не было.

— Кто принёс? — спросил Тарен.

— Никто. Лежало на моей подушке. Окно закрыто, дверь заперта. — Кайрен сел. — Я знаю этот почерк. Так писали дети с северной заставы. Только теперь буквы увереннее.

— Значит, Беззвучные учатся писать, — сказала я. — Это же хорошо.

— Если пишут они.

Я взяла его руку. Кольцо из серебряной нити на моём пальце тихо звякнуло, как всегда, когда мы были рядом, и в этом звоне мне послышалось что-то тревожное.

— Мы пойдём, — сказала я.

— Я не просил.

— Ты и не должен был. Мы пойдём все.

— Все не поместятся в одну дорогу, — раздался голос Мирин.

Она вошла, стряхивая снег с плеч, и за ней, как хвост, тянулась Лис в двух шарфах. Мирин положила на стол пучок сухих корешков. Все они указывали в одну сторону.

— Они растут к северу с самого утра, даже срезанные. Земля тянет их. Нии, там что-то просыпается. Не злое. Но очень большое.

Лис смотрела на письмо. Потом тихо, чужим голосом, мягким и очень детским, произнесла:

— «Ей одиноко».

— Чей это голос? — спросила я.

Лис вздрогнула.

— Не знаю. Я его уже слышала. Ночью. Он повторяет это, пока я не засыпаю. Нии, я не могу понять, чей он. Раньше я всегда понимала.

Это было первое, что меня по-настоящему испугало. Лис, которая повторяла любой голос, будто носила его в кармане, впервые не знала, кому он принадлежит.

Совет мы провели в тот же вечер. Дальхейм приехал из Лиорена верхом, с пакетом бумаг и тенями под глазами. Он целыми днями занимался тем, что называл «уборкой после праздника»: выпускал людей, снимал браслеты, объяснял купцам, что песня не нарушает торговую монополию.

— Совет Короны ничего вам не запретит, — сказал он. — Но многие вздохнут с облегчением, если вы уйдёте на север надолго. Вы слишком громкие для их спокойной жизни.

— Звучит как комплимент, — сказал Тарен.

— Так и задумано.

— Нам нужен проводник, — сказал Кайрен. — Дальше заставы никто не ходил.

Дверь распахнулась, и вместе с клубом холодного воздуха в комнату вошёл мул. Следом, с куском сыра и полным самообладанием, вошла Мара.

— Слышала, вам нужен проводник. Цену скажу на месте. Пароль знаете.

— Сыр, — хором сказали мы.

— Принято. Выходим на рассвете. Бургомистр идёт тоже, у него контракт.

Мул посмотрел на меня долгим взглядом, и я поняла: контракт у него действительно есть.

Глава вторая. Дорога, которой нет на карте

Мамину карту я знала наизусть, но дальше красного круга она заканчивалась.

Не обрывалась, а как будто выдыхалась: линии становились тоньше, подписи мельче, и на самом краю мама оставила пометку, которую я раньше принимала за пятно. Сейчас, при свете костра, я рассмотрела её. Это была крошечная нотная строчка из трёх знаков, а под ней слово: *слушай*.

— Здесь нет дороги, — сказала Мара, ковыряя соломинкой в зубах. — Но она есть. Просто видна только тем, кто не мешает ей быть.

— Это философия или маршрут? — спросил Тарен.

— Маршрут. Философия платная.

Мы шли шестеро и один мул. Кайрен впереди, потому что лучше всех слышал дорогу. Я рядом, потому что слышала его. Тарен с Мирин замыкали, споря, считается ли замёрзший ручей рекой. Лис шла между ними и молчала. Она всё чаще молчала. Раньше её рот никогда не отдыхал.

Дорога открывалась странно. Мы шли по снежной равнине, и вдруг под ногами проступала цепочка тёмных камней, словно кто-то давно выложил их по порядку. Стоило пройти камни, и они исчезали под снегом. Мара называла это «тропой молчащих», а Кайрен слышал в камнях ритм: три шага, пауза, ещё три.

— Это нота, — сказал он. — Мы идём по мелодии.

— Чья мелодия?

— Не знаю. Но она ведёт.

К вечеру третьего дня ветер стих совсем. Я заметила это не сразу: просто перестала слышать собственное дыхание, и сердце застучало в ушах громче, чем нужно. Лёд на запястьях потянулся вверх, но неуверенно, будто спрашивал разрешения.

— Мы за границей, — сказала Мара. — Дальше я не хожу. Помню, обещала? Врала.

Она впервые за всё время нашего знакомства не улыбнулась.

— Но до следующей стоянки дойду. Там пещера, где люди оставляли еду. Давно. Может, ещё кто-то оставляет.

Пещера нашлась. Внутри, у стены, лежали аккуратные свёртки: лепёшки, сушёные яблоки, головка сыра. На одном была записка, крупными буквами, рукой ребёнка:

Для тех, кто придёт. Мы ждали.

Я села на камень. Мирин присела рядом и вынула из мешка росток в обрезке трубки, на котором уже раскрылся один голубой цветок.

— Нии, они нас ждали. Не враги. Просто ждали. Но почему тогда мне так страшно?

— Потому что мы идём туда, где нам рады, — сказала я. — А это всегда страшнее, чем туда, где нас ненавидят. Ненависть хотя бы понятна.

— Ты стала говорить, как мама.

— Это пугает?

— Это успокаивает.

Ночью я не спала. Вышла к устью пещеры и увидела Кайрена. Он смотрел на север, где небо было чёрным, без единой звезды.

— Будто кто-то накрыл мир платком, — сказал он. — Ниара, я хочу сказать, чего боюсь. Не того, что оно меня заберёт. Я боюсь, что пойму его слишком хорошо. Что окажусь там, где мне проще остаться, чем вернуться.

Внутри меня, в нашем общем месте, лежал его страх, тяжёлый и тёплый, как камень, нагретый солнцем.

— Тогда я буду твоим якорем, — сказала я. — Не стеной и не клеткой. Верёвкой, за которую можно потянуть.

— Это больно, когда тянут.

— Знаю. Но ты вернёшься живым.

Он коснулся моего лица уверенно, не как раньше, осторожно: за зиму он наконец выучил, что я не рассыплюсь.

— Договорились.

И тут из темноты, где не было звёзд, донёсся звук. Тонкий, чистый, детский. Кто-то пел три ноты, паузу, ещё три. Ту самую колыбельную «Кто спит у реки». Только пел её целый хор, тихо, как шепчут за стеной.

— Они нас зовут, — сказала я.

И мы пошли им навстречу.

Глава третья. Те, кто ждал

Заставу мы увидели на рассвете.

Это была не крепость, а деревня, выросшая вокруг старой сторожевой башни: низкие дома из чёрного камня, дымки над крышами, верёвки с сохнувшим бельём. Бывшие Беззвучные, вернувшие себе имена, жили здесь полгода и успели обзавестись козами, грядками и страстью к лоскутным одеялам.

— Хранительница! — закричал кто-то.

Из домов повыбегали люди: бородатые, в шерстяных платках, в заплатанных куртках. Они смеялись, плакали и перебивали друг друга. Какая-то женщина бросилась Мирин на шею. Мальчишка лет десяти вцепился в рукав Кайрена и не отпустил.

— Это мой отец! — выпалил он. — Вы же его вернули!

— Я придумаю, что сказать, потом, — произнёс высокий сутулый мужчина, подходя. Я узнала его: тот, что стоял у золотого света в подземном зале и смотрел на свои ладони. — Пока скажу просто: спасибо. Меня зовут Хартвиг. Имя вернули на третью неделю. До этого я был просто «тот, кто стоит».

Нас накормили похлёбкой, усадили у очага. Я смотрела на эти лица и думала, что они не просто выздоровели, а стали кем-то новым: яркие, неловкие, живые, как первые весенние листья.

— Расскажите, что происходит, — попросил Кайрен.

— Сначала было тихо, — сказал Хартвиг. — Мы учились чувствовать. Это больно: утром вспоминаешь, что любил, вечером что потерял. Но недели три назад мы начали слышать не голоса, а просьбу. Как будто кто-то огромный стоит за стеной и очень тихо стучит. А потом дети стали видеть одни и те же сны.

Мальчишка, смутившись, шагнул вперёд.

— Я видел дверь, большую, из чёрного льда. За ней кто-то сидит один. Он очень хочет, чтобы к нему пришли, но боится, что испугаются.

— Ты не боишься? — спросил Тарен.

— Во сне было страшно, — честно ответил мальчик. — Но он плакал. Тихо. Тогда я перестал.

Лис сидела, обхватив колени, и странно глядела на него.

— Он говорит как я, — прошептала она. — Не повторяет. Просто его слова на моём языке.

— Может быть, ты начинаешь слышать не чужой голос, а чужое, — сказала я.

— Это хуже. Это значит, что мне придётся выбирать, чей он.

Позже я нашла Хартвига на краю заставы. Он смотрел на север, где над горизонтом висела полоса густого тумана.

— Мы называем это Пологом. За ним уже не наши земли. Я ходил туда один раз и не хотел говорить при детях: там живёт кто-то ещё. Беззвучные не умеют ждать, а он умеет. Стоит у двери и ждёт, пока кто-нибудь придёт. Я хотел заговорить, но он поднял руку, и я понял: «не сейчас».

— Как он выглядел?

Хартвиг долго не отвечал.

— Как человек, который помнит слишком много. И не хочет, чтобы вы тоже помнили.

Глава четвёртая. Полог

Утром мы вышли к Пологу.

Это была стена тумана, плотная, как вата, и совершенно неподвижная. На границе земля обрывалась ровным кругом: по эту сторону росла трава, по ту лежал чёрный лёд.

— Дальше без меня, — сказала Мара. — Честно. На этот раз правда. У Бургомистра нервы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.